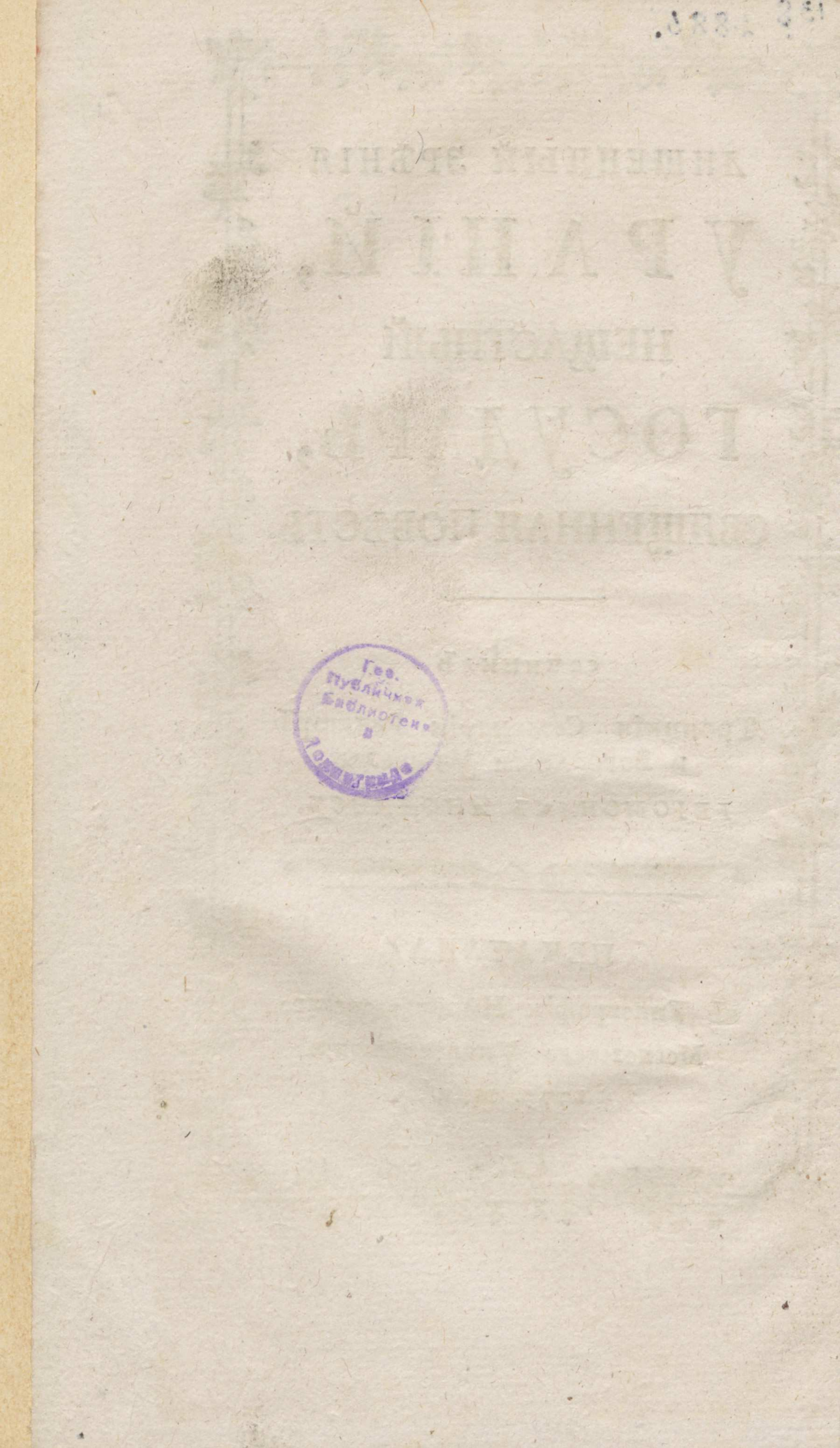




ЛИШЕННЫЙ ЗРѢНІЯ
УРАНІЙ,
НЕЩАСТНЫЙ
ГОСУДАРЬ,
СВЯЩЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНИЛЪ
Троицкія Семинаріи Ректоръ
и Богословіи Учитель
ІЕРОМОНАХЪ АПОЛЛОСЪ.

ПЕЧАТАНА
въ Типографіи Императорскаго
Московскаго Университета
1779. года.



БОГУ,

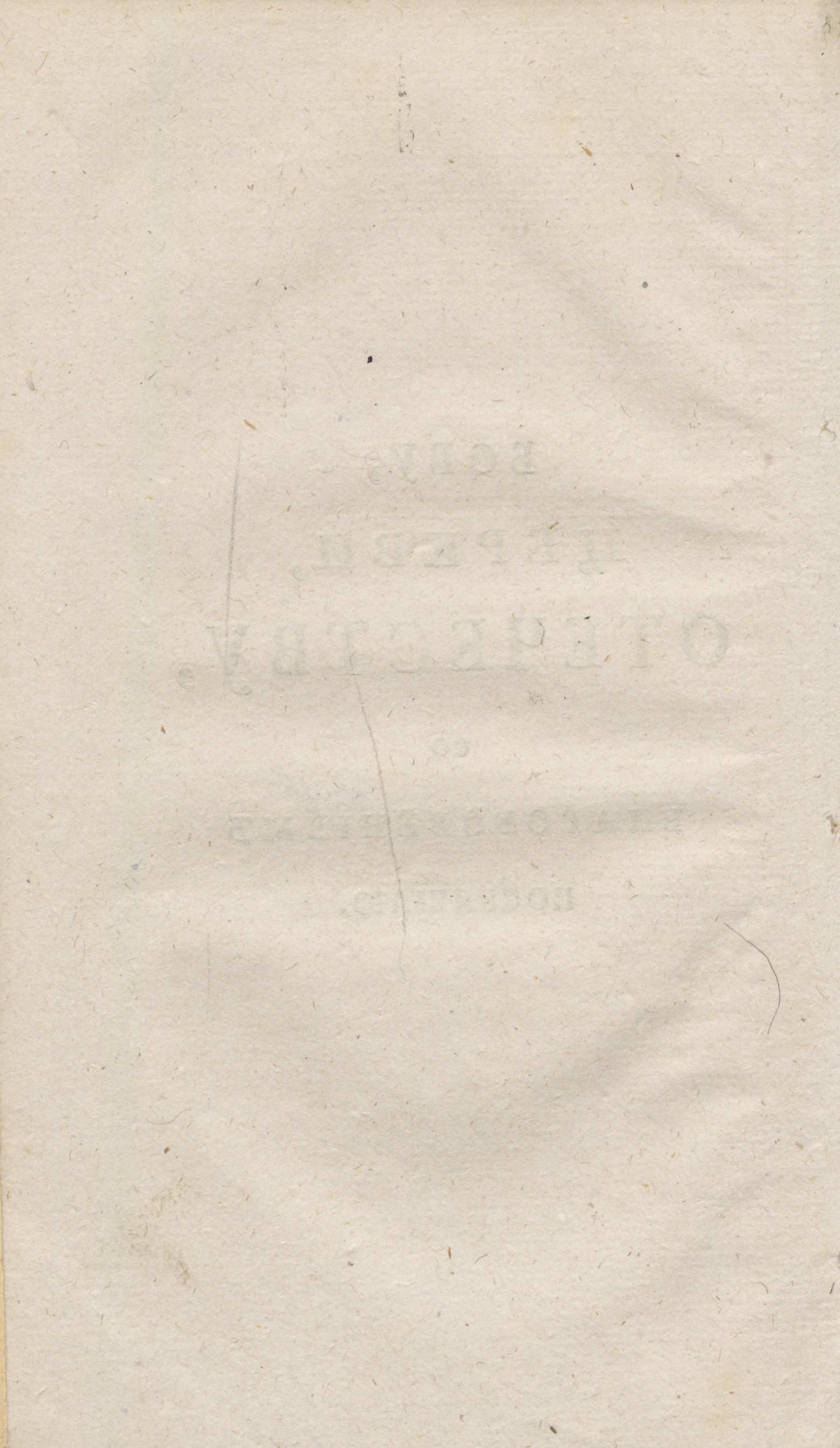
ЦЕРКВИ,

ОТЕЧЕСТВУ,

СО

БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЮ.





Отецъ младаго Уранія былъ Царь, Обладатель вселенныя, славою своею довольно извѣстный свѣту, котораго изображеніе или портретъ сколь ни обыкновенно народы при себѣ имѣли, но всегда различно его начертавали.

Египтяне дѣлали иногда просто великой округъ, или писали кругловидно змію, пожирающую свой хвостъ. Симъ они думали изобразити великихъ дѣлъ славу, превышающую Меркурія, Ураніева отца, которая на вѣки пребудетъ у смертныхъ въ незабвенной памяти. Греки поставляли двуличную статую, изображенную на четвероугольномъ камнѣ, снизу тонко начатую, къ верьху пространную, не придавая рукъ ни ногъ, можетъ быть потому, что хотѣли изобразить прозорливость сего великаго Государя, и какъ неукоснительное, такъ и благоуспѣшное произведеніе дѣлъ къ намѣреваемому концу.

Римляне изображали его торжественно сидящимъ на позлащенномъ престолѣ, одѣтаго въ порфиру и въ коронѣ для означенія его великолѣпія, десницею мещущаго громъ на гигантовъ, или на всѣхъ оскорбляющихъ его священное имя; а въ другой рукѣ скипетръ означалъ его могущество. Цицеронъ говоритъ, что то былъ или Царь Аркадскій, или сынъ Ефира, или Критской Царь, современникъ Авраама, но все не правда! Древніе наши предки соблюдали славу и память его дѣлъ, огнемъ и пламенемъ пожирающимъ возгнѣздженный хврастіемъ, съ возложеннымъ на верьху мечемъ, костеръ. И сколь различное было сего Обладателя у народовъ изображеніе, столь же различныя были его и имена. Пиѳагоръ называлъ его Монадомъ (Единицею), Евклидъ правителемъ, Парменидъ неподвижнымъ. Элій Никифоріемъ т. е. побѣдоносцемъ, Фестъ опитулемъ т. е. помощникомъ, Страбонъ статоромъ т. е. установителемъ, Евреи Ельономъ, Персы Митрамомъ и проч.

И хотя различно объ немъ думали, говорили, рассуждали, различно его изображали; но всѣ въ томъ согласны были, что онъ великій и преславный Государь, сильный, прозрительный, правдивъ, милосердъ, благотворительный и весьма древній; сія-то кажется его древность, по которой молодые люди могли забывать его первыя дѣла, но не

не могли изгладить изъ памяти понятія, была причиною разныхъ о немъ мнѣній.

Ураній былъ его Первенецъ, сынъ, которому непремѣнно слѣдовало быть отцу своему наслѣдникомъ, ежелибы не постигло нещастіе.

Отецъ не просто даровалъ ему жизнь; но снабдилъ его всѣми лучшими принадлежностями къ благополучному препровожденію оныя. И какъ обыкновенно родители къ тѣмъ дѣтямъ большую имѣютъ склонность, которые похожи бываютъ на нихъ лицемъ или нравами: то и Ураніевъ отецъ старался сына сдѣлать подобнымъ себѣ. Сіе паче всего украшало его, и подавало надежду думать, что вступитъ онъ въ отеческіе слѣды, и будетъ искусный и преславный въ свѣтѣ Государь. Разумъ, которой можно почесть первымъ въ человѣкѣ совершенствомъ, столь блистательной въ немъ былъ, что самыя Божественныя вещи, и превышающія смертныхъ умъ, понималъ онъ весьма ясно. Чтожъ касается до натуральнаго вещей познанія, то почитался онъ весьма знающимъ и искуснымъ въ сей наукѣ. Самъ отецъ училъ его Философіи, Астрологіи, Исторіи натуральной проч. Свойство растѣній зналъ онъ лучше нежели Соломонъ, котораго книги Епифаній сожегъ. Другія науки онъ безъ

 труд-

трудности своими силами постигалЪ. ВЪ наукѢ врачебной превышалЪ самаго Иппократа, потому что лучше зналЪ свойство травЪ, хотя она ему тогда и не нужна была.

ОтецЪ, желая нѣкогда потѣшиться надЪ сыномЪ, собралЪ великое множество животныхЪ, которыхЪ младый Ураній дотолѣ не видывалЪ: скажи мнѣ говорилЪ онЪ, любезное дитя! чтобы это было за произведеніе натуры? А онЪ, почитай однимЪ взглядомЪ проникнувЪ свойство животныхЪ, указывая отцу, отвѣчалЪ восточнымЪ языкомЪ: [ибо онЪ родился жилЪ и все дѣло это происходило на востокѣ; да и вЪ тѣ времена всѣ люди говорили однимЪ языкомЪ:] это Гамаль (верблюдЪ) т. е. мститель; ибо верблюдЪ долго помнитЪ обиды; это Бегеми (скотЪ) т. е. безсловесной: это Ргаа (ястребЪ) т. е. проницательнаго взора; ето ГаадЪ (пеликанЪ птиц:) т. е. пожирающая и изблевывающая проч.

Ураній при такомЪ просвѣщеніи не меньше былЪ и добродѣтеленЪ; да и неудивительно, ибо пороки раждаются отЪ невѣжества и темныхЪ воображеній. ОтецЪ самЪ былЪ его пѣстунЪ, которой его неотступно при себѣ имѣлЪ, сЪ нимЪ жилЪ, ходилЪ, говорилЪ, обращался; а худыхЪ сообществЪ отнюдь Ураній не зналЪ; и по-

потому благополучный сынъ все действія и намеренія къ тому склонялъ, дабы не только родителя не раздражить, но всесовершенно ему угодить во всемъ. Словомъ, онъ былъ непороченъ и святъ; и какъ пламя простирается всегда въ высоту, какъ стрела летитъ къ своей мете, или пущенный съ крутой горы великій камень падаетъ на свой центръ; такъ его воля устремлялась къ воле отца своего: не столь Апеллесова картина представляла живность висящихъ виноградныхъ кистей, сколь уподоблялся онъ родителю своему.

Не понималъ онъ совсемъ, что есть движеніе страстей, а кольми паче пороковъ, да и не можно было; ибо усиліе страстей раждается отъ того, когда чувства превышаютъ и не покоряются разуму: но его просвещенный умъ владычествовалъ и управлялъ всеми способностями душевными. Сильныя Океана волны тогда потопляютъ плавающихъ, когда кормчій выпускаетъ кормило изъ рукъ; а великое тогда возжигается пламя, когда не угашаемъ искру. Ураній довольно могъ собою управлять; а нежная его и горячая къ отцу своему любовь подобна была великому морскому камню, о который разбиваются сильныя страстей волны.

По сему, не нарушалъ онъ никогда своея свободы; ибо свобода состоитъ въ изби-

избираніи блага. Порокъ есть зло, потому и порочный человѣкъ не есть свободный, понеже не избираетъ онъ добра. Можно ли человѣка путника умирающаго въ пустынѣ отъ глада, назвать постникомъ? Можно ли осужденнаго на вѣчную работу назвать трудолюбивымъ? Можно ли тому терпѣнія добродѣтель приписать, у котораго съ похмелья голова болитъ? Кто свободнѣе, благіе ли Ангелы, которыхъ всѣ дѣйствія устремляются къ Богу, или отпадшіе, которые утвердившись во злѣ, въ семъ только имѣютъ произволеніе, что могутъ такъ или иначе симъ и другимъ образомъ дѣлать себѣ и другимъ зло? Но спросишь ты: чтожъ? развѣ они, и предавшійся въ плѣнъ порокамъ человѣкъ совершенно лишается свободы, сея способности, безъ которой человѣкъ не есть человѣкъ? Но скажи мнѣ, что есть навыкъ? Не превращаетъ ли онъ всего человѣка? Навыкъ есть другая природа. Подвергающіеся піянству, любострастію, горделивцы, корыстолюбцы кажется будто съ своими пороками родились? Нѣтъ, привычка превратила ихъ натуру! Ураній былъ наисвободнѣйшій человѣкъ, потому что былъ непороченъ.

Изъ таковой стройности его души не могли проистекать тѣлесныя недостатки; ибо кромѣ того, что натура украсила его всѣми дарованіями, не зналъ онъ ни слабостей,

стей, ни болѣзней. Онъ и понятія не имѣлъ, что есть невоздержаніе, отъ котораго раждается въ человѣческомъ тѣлѣ вредъ и разслабленіе.

Собою былъ онъ katановитъ, красоты чрезвычайной, скоръ, поворотливъ, ко всякому дѣлу способенъ, и столько здоровъ, что никакъ не боялся смерти. Сіе въ прочихъ людяхъ не возможно, но въ немъ было неудивительно; ибо болѣзни и самая смерть раждаются отъ неравенства въ человѣческомъ тѣлѣ стихій. Богъ премудро устроилъ составъ нашего тѣла изъ земли, воды, огня и воздуха; но человѣческому разсудку показалось бы не возможно соединить столь тѣсно противные между собою элементы, какъ то огонь съ водою: но Богъ безъ всякія трудности устроилъ согласіемъ сей составъ; они дѣлаютъ не разрывной между собою союзъ, доколѣ одна стихія сразмѣрна другой; но излишество на пр. огня дѣлаетъ въ насъ горячку, а недостатокъ лихорадку. Симъ согласіемъ соединилъ премудрый творецъ цѣлый свѣтъ, и малый міръ, человѣка. Для чего земля не падаетъ, будучи основана ни на чемъ? Для того, что воздухомъ со всѣхъ сторонъ окружается, и на немъ такъ виситъ, что упасть не можетъ. Для чего планеты не перемѣняютъ теченія своего, Сатурнъ обходитъ землю въ 29 лѣтъ 174 дни: Марсъ

въ одинъ годъ 320 дней: Юпитеръ въ 11 лѣтъ 17. дней, проч.? Потому, что сія Гармонія или концентъ составляетъ чудный въ свѣтѣ порядокъ, и есть, какъ нѣкоторые говорятъ, душа міра. Небо служитъ землѣ согрѣвая; а земля служитъ солнцу, пищу подая; оттуда дожди, громъ, холодъ, теплота, плодоносіе и неурожай. Ежелибы сіе согласіе хотя частію повредить, то бы міръ нарушился, или лучше сказать умеръ. Составъ человѣческаго тѣла подобно дотолѣ крѣпокъ и твердъ, доколѣ сія Гармонія въ немъ сохранна. Маленькой воробышекъ, посаженный въ воздушной насосъ, когда извлекается воздухъ, помалу ослабѣваетъ, истончеваетъ, умираетъ, а иногда впущенный воздухъ его оживляетъ паки; также и тѣло наше когда превышаетъ въ немъ одна другую стихію, то подвергается болѣзнямъ, и по разрушеніи ихъ человѣкъ умираетъ. И такъ для чегожъ было Уранію бояться смерти, когда не было въ составѣ его тѣла, какъ нынѣ бываютъ въ насъ, причинъ, нарушающихъ сіе согласіе?

Правда, что были въ немъ другія къ тому спосиѣшествованія, которыхъ въ насъ нѣтъ; онъ, зная совершенно врачебную науку, прибѣгать могъ къ нѣкоторымъ жизненнымъ растѣніямъ, которыхъ вкушая плоды, тотчасъ бы могъ самые малые начатки болѣзней отвратить.

Конеч-

Конечно наслышавшись объ немъ нѣкоторый Китайскій Государь посылалъ юношъ и дѣвицъ искать на Японскомъ островѣ травъ, которыя бы (какъ его увѣряли) могли его вѣчно предостеречь отъ смерти. Отъ чего и начало Японіи.

Не меньше можетъ быть способствовалъ Уранію къ сохраненію жизни и здравія домъ, которой ему отецъ своими почти руками созидалъ. Слава и до сихъ поръ по свѣту носится о семъ, такъ сказать, великолѣпнѣйшемъ замкѣ. Онъ состроенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чрезвычайнаго солнечнаго жару, ни воздушныхъ перемѣнъ, ни осенней погоды, ни зимнихъ мразовъ, ни вредныхъ земныхъ паровъ отнюдъ не было. Четыре наичистѣйшія и пріятнѣйшія рѣчьки окружали сей домъ, и напаяли его сады; вѣтры тихо продували сквозь густыя плодовитыя древа; сладкое пѣніе птицъ услаждало слухъ; пестрота цвѣтовъ, зрѣніе, плоды, вкусъ, всѣ чувства неизреченную ощущали нѣжность. Иногда Ураній, прогуливаясь въ саду, пересаживалъ древа, поливалъ цвѣты, собиралъ плоды, никакой не чувствуя усталости; а къ большему удовольствію видѣлъ всегда окруженнаго себя безчисленнымъ всякаго рода животныхъ множествомъ, которыя такъ пріучены были, что не только не дрались, но любовно на одной пажити питались, вмѣ-

стѣ

стѣ жили, ходили, почитали и разными образами старались Уранія развеселять; иногда левъ лизалъ его ноги; иногда тигръ повергался предъ нимъ, и былъ столько же кротокъ какъ агнецъ; естьли онъ садился для покою подъ какое древо, то птички слетались, и то прыгая, то взлѣтая на него, порхали то вверьхъ то внизъ, и услаждали пѣніемъ; а когда Ураній засыпалъ, то тихое дѣлая молчаніе, какъ бы совокупными силами хранили его сонъ; а естьли при восходѣ солнечномъ ходилъ онъ на брега рѣкъ, то рыба прибѣгала ко брегу принимать изъ его рукъ кормъ. — Описать не можно, какія радости и удовольствія видѣлъ Ураній въ своемъ домѣ. Китайцы много объ этомъ говорятъ, хвастая, что сія блаженная обитель населена была въ ихъ государствѣ. Арапы эту честь приписываютъ себѣ. Армяне говорятъ, что будто этотъ домъ стоялъ на Араратскихъ горахъ. А стихотворцы бредятъ, что этотъ самой домъ суть Елисейскія поля.

Но все сіе Ураніево щастіе не могло сравниться съ тѣмъ неизреченнымъ благополучіемъ и увеселеніемъ, какое онъ почерпалъ изъ всегдашняго обращенія съ родителемъ своимъ. Не было бы намъ удовольствія въ щастіи, естьлибы мы не имѣли съ кѣмъ его раздѣлить, или кому сообщить.

щить. Взаимная отца съ сыномъ любовь, была въ высочайшемъ степени. Да и нельзя было Уранію родителя не любить; ибо кого мы больше любимъ? Въ комъ больше находимъ совершенствъ. Съ кѣмъ тѣснѣе дружимся? Съ кѣмъ сходнѣе нравами. Ураній находилъ въ отцѣ своемъ столь превосходныя совершенства, что ни въ комъ другомъ подобныхъ не видалъ. Ураній, во всемъ похожъ на своего отца, былъ его живое изображеніе; комужъ онъ могъ повѣрять болѣе свое сердце, открывать мысли, какъ не родителю своему? Иногда слушалъ Ураній совѣты, какъ сохранять свое благополучіе; иногда отецъ давалъ ему наставленія, какъ предъуготовить себя къ управленію своего царствованія; иногда научалъ какъ воспитывать, и дѣлать благополучными своихъ дѣтей проч.

Однажды онъ говорилъ ему такъ: въ несказанной радости любуюсь я тобою, любезный сынъ! даровалъ я тебѣ жизнь, которую снабдилъ всѣмъ, что къ твоему щастію служитъ; чрезвычайно увеселяюсь я твоими душевными дарованіями, твоимъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями. И хотя ты имѣешь довольно проницательной разумъ, но однакожъ ты человѣкъ молодой и не все на опытѣ дознаалъ. Знай, сынъ мой, что великое различіе разсуждать и дѣлать. Науки показываютъ намъ истину;

ну; но опытъ больше въ томъ увѣряетъ. Философы описываютъ свойство земли; но земледѣлецъ лучше знаетъ, какъ посѣять и собрать. Хотя и ты, сынъ мой! довольно просвѣщенъ, однако же ты всего знать не можешь. Въ семъ саду, которой я для тебя насадилъ, есть растѣнія ядовитыя; онѣ не для тебя насажены; какъ бы я могъ сдѣлать такой вредъ, будучи твой отецъ, и любя тебя паче всѣхъ? Онѣ для другихъ причинъ; подобно какъ видишь ты множество плодовъ, но всѣ ли для твоего насыщенія? Множество скотовъ, но всѣ ли такіе, чтобъ ты могъ садиться на нихъ? Множество небесныхъ свѣтилъ, множество земныхъ произведеній, но всѣхъ ли ихъ одинъ конецъ? Нѣтъ, сынъ мой! иное для тебя нужно, иное полезно, а иное оставлено только для твоего увеселенія. Сіи ядовитыя растѣнія не съ тѣмъ здѣсь посажены, чтобы ты плоды ихъ вкушалъ, но чтобъ ты зналъ ихъ свойство и силу, или бы изъ смѣшенія одной вещи съ другою производилъ что нибудь для тебя. Видишь ли, какъ брошенное въ землю сѣмечько вбирая въ себя влагу, и согрѣваясь солнечнымъ свѣтомъ изъ согласнаго смѣшенія элементовъ производитъ великое и прекрасное древо? Хотя сіе есть произведеніе натуры, но ты, сынъ! можешь и искусствомъ до многога доходить. Можешь ты бѣлаго барашка сдѣлать пестренькимъ,

кимъ, сизаго голубка бѣленькимъ, алой розонъ бѣлымъ, желтой тюльпанъ алымъ; можешь, естьли только найдешь секретъ натуры, которой оставленъ для твоего упражненія. И такъ послушайся меня любезный сынъ! узрѣвши сіи ядовитые плоды, не тотчасъ ты ихъ вкушай, какъ дѣлаютъ младенцы, но испытывай и узнавай, обращая такъ ихъ въ свою пользу. Я тебя люблю, но еще любезнѣе будешь ты мнѣ, естьли окажешь послушаніе твое; а чрезъ то и благодарность за мое къ тебѣ попеченіе: помни же мои повелѣнія, и хранись, дабы не подвергнуть себя нещастію, которое всего несноснѣе отеческому сердцу! Послѣ такихъ нѣжныхъ разглагольствій Ураній остался одинъ, и гуляя въ саду вкушалъ всѣ удовольствія.

Какофитъ былъ слуга, котораго Ураніевъ отецъ чрезвычайно сперва любилъ; нельзя было его за превосходство не любить. Дарованія и разумъ были въ немъ огненныя; онъ былъ разумнѣе самаго Уранія; это не удивительно, потому что слуги часто умнѣе бываютъ дѣтей. За сіи преимущества былъ онъ почтенъ въ особенномъ отъ другихъ отличіи, а у господина въ особенной милости. Но какъ злоупотребленіе и самую хорошую вещь можетъ учинить пагубною: то и Какофитъ всѣ свои природныя качества употребилъ

въ зло по своему произволенію; онъ посягнулъ на жизнь своего Господина, обличенъ въ хищности, предатель, злобной, завистливой, надменной, невѣрной, неблагодарной: словомъ, онъ первой былъ, которой превзошелъ всѣхъ злостію и пороками; за то лишенъ онъ былъ всѣхъ милостей, изгнанъ, отверженъ; и яко неключимый осужденъ на всегдашнее рабство. Будучи въ крайнемъ злоключеніи никогда онъ не помышлялъ о томъ, какъ бы исправиться и испросить прощенія: но какъ кислота или соленость часъ отъ часу возрастаютъ въ своемъ веществѣ; какъ гнилость въ плодахъ, или рана въ человѣческомъ тѣлѣ дѣлается часъ отъ часу болѣе, естьли не исцѣляется врачевствомъ: такъ пороки усиливаясь часъ отъ часу дѣлаютъ волю развратнѣйшею.

Какофитъ пріобрѣлъ въ вышшемъ степени навыкъ, и былъ наизлобнѣйшій; снѣдался онъ завистію, взирая на благополучіе Уранія, и чѣмъ больше воображались ему первыя милости Господина своего, чѣмъ въ презрительнѣйщемъ находилъ себя состояніи, тѣмъ острѣйшимъ копіемъ казался его сердцу Ураній: и какъ ехидна, во чревѣ матерьней носимая, проѣдаетъ бокъ и мать свою умерщвляетъ, или какъ адская фурія разтерзывая зубами свое сердце пожираетъ; такъ терзался завистію Какофитъ.

По-

Покушусь я, думалъ онъ, погубить Уранія; тогда буду я страдать не одинъ: пусть же знаетъ его Отецъ, что не у меня одного онъ достоинъ ненависти и презрѣнія; но что и дѣти объ немъ тоже находятъ. Сколь ни просвѣщенъ Ураній, думалъ Какофитъ, но онъ еще младъ; и поелику всего въ свѣтѣ не видалъ, то не трудно мнѣ его будетъ обольстить. Слышалъ я, что ему Отецъ наказывалъ, а то мнѣ и надобно.

Правду ли говорятъ, что Цирцея Уліссовыхъ товарищей превращала въ свиней, волковъ, проч. Пиѳія давала отвѣты? А это заподлинно извѣстно, что Египетскіе волхвы могли, какъ Моисей, дѣлать изъ жезла змію и другія привидѣнія: но сію волшебную науку лучше никто не зналъ Какофита. Извѣстно, какое животное кроется подъ зеленой муравой, дабы изъ подтиха ужалить. Какофитъ, надѣвъ на себя странной видъ, закрался въ густоту того самого дре́ва, котораго плоды имѣли въ себѣ ядъ. Какъ зрящему окомъ въ пограненое стеклышко при обращеніи разновидныя представляются фигуры; какъ солнечные лучи ударяясь въ море дѣлаютъ небесныя разныя явленія; какъ Содомское яблоко съ виду, ежели правда, чрезвычайно пригожее, а взятое въ ру́ки разпадается; такъ представилъ Какофитъ пріятными взору сіи ядовитые плоды. Ураній изумился, и оставя про-

чія древа, обратилъ свое вниманіе на сіи плоды. Но тѣмъ страннѣе казалось для него слышать изъ едва прозрачнаго сего и густаго дре́ва разговоръ: знаешь ли, слышалъ Ураній, чѣмъ Отецъ твой безсмертную пріобрѣлъ славу? Знаешь ли по чему толь благополучную препровождаетъ жизнь? Это дѣлаютъ плоды, которые Онъ запретилъ тебѣ ѣсть, боясь, дабы ты не былъ Ему въ славѣ равенъ. Старики мнительны и злы, и самолюбіе ихъ превышаетъ любовь къ дѣтямъ: Не вѣрь. Ураній изумился и размышлялъ; можно ли, думалъ онъ, чтобы Отецъ мой столь мудрый и благотворительный; можно ли, чтобы любя меня паче мѣръ сокрылъ отъ меня въ сихъ плодахъ средство къ достиженію славы? А Какофитъ подобился тогда ловцу звѣрей, которой мечется и взадъ и впередъ, дабы загнать въ тенета.

Многіе и донынѣ удивляются, какъ Ураній, будучи столько просвѣщенъ и превосходнаго разсужденія, могъ отдаться въ обманъ и погрѣшность; ибо погрѣшности раждаются отъ збивчивыхъ и несовершенныхъ понятій; какъ будто бы онъ понималъ темно и ясно. Ежели онъ зналъ, что состояніе его было благополучное и совершенное, на чтожъ было большія славы желаніемъ ласкаться? А вотъ какъ это было: серебро хорошо, и всякъ желаетъ

день-

деньги сребряныя имѣть; но положивъ съ ними золотыя, куда желаніе устремится? Хороша одежда изъ рублеваго сшитая сукна; но ежелибы съ нею положена была намъ для выбору другая гораздо большей цѣны, какую бы мы взять хотѣли? Хорошо жить въ деревянной горницѣ, лучше нежели на дворѣ; но превосходнѣе каменныя чертоги. Подобно сдѣлалъ Ураніи, большая его Родителя слава воспалила въ немъ желаніе, хотя онъ и себя довольно щастливымъ почиталъ. Да и самъ Какофитъ отъ такого же сравненія довелъ себя до пагубы.

И такъ клевещутъ тѣ, которые напрасно обвиняютъ Ураніева Отца, будто Онъ такъ глупымъ его родилъ, или лучшимъ образомъ воспитать не хотѣлъ. Нѣтъ, никто не можетъ Уранія оправдать!

Какофитъ между тѣмъ не преставалъ разставливать свои сѣти; и то вѣтьви съ плодами наклонялъ; то самые плоды на пригожую сторону обращалъ; то ласковыми словами о полученіи родительской славы увѣрять не преставалъ; наконецъ то отступающаго, то въ робость приходящаго, то покушающагося, то руку протягивающаго и отхватывающаго; то очи закрывающаго и взирающаго, порывающагося и не желающаго Уранія склонилъ, прельстилъ,

 угово-

уговорилъ, увѣрилъ, и вложивши въ руку къ самымъ почти устамъ привелъ. Бѣдный Ураній вкусилъ и тутъ же бросилъ; но тотчасъ позналъ дѣйствіе яда; а Какофитъ съ плескомъ, съ радостію, съ восторгомъ, съ крикомъ, съ хохотомъ прыгалъ, рыскалъ, бѣгалъ. Вкусилъ бѣдный Ураній, ахъ! увы! тутъ-то все его начинается нещастіе!

Ядъ тотчасъ разлился по всему тѣлу, но прежде всего ослѣпилъ очи. Какое мученіе родилось въ душѣ Уранія? Какъ сильная морская буря начинаетъ погружати корабль; какъ лютые на спутника нападаютъ звѣри; какъ пожаръ простирается въ великое пламя: такъ ему въ ту же минуту вообразились всѣ нещастія, въ которыя онъ начинаетъ вступать. Что дѣлать, и что предпріять, совсѣмъ не зналъ: а между тѣмъ чадолюбивый Отецъ услышавъ неистовый Какофитовъ крикъ, поспѣшно тѣкъ узрѣть сына. Не трудно было Ему отгадать причину Какофитовыхъ плесканій. Сынъ мой, говорилъ онъ, сынъ! гдѣ ты любезное мое дитя? приближись ко мнѣ.

Не такой чувствовала стыдъ баснословная Дафна и Болина, какимъ тогда покрытъ былъ Ураній. Онъ кидался съ мѣста на мѣсто; и то окутывалъ голову тра-

травою, то листвіемЪ покрывалЪ лице, то хватаясь прятался за древо; трепетЪ и страхЪ поражалЪ его, когда слышалЪ онЪ Отеческой голосЪ: но ОтецЪ подошедЪ кЪ нему, говорилЪ: изыди, сынЪ мой! покажи, вЪ какомЪ ты состояніи. АхЪ! нѣтЪ, отвѣтствовалЪ онЪ: сердце мое изнываетЪ отЪ страху, боюсь тебя; но я не виноватЪ! не виноватЪ! КакофитЪ всего зла причиною. О ты недостойный сынЪ! сказалЪ ему тогда отецЪ, ты и помилованія не требуешь моего. СамЪ ты себя ослѣпилЪ, такЪ можешь ли ты наслѣдникомЪ быть моимЪ, можешь ли безЪ зрѣнія толь великою областію управлять? Изыди отсель, изыди недостойный, неблагодарный, презритель Отеческія любви моея. Я раскаеваюсь, я жалѣю, что тебя на свѣтЪ родилЪ: но раскаяніе мое состоитЪ вЪ томЪ, что не хотѣлЪ бы я вЪ такомЪ нещастіи тебя видѣть, какому ты самЪ себя подвергЪ. Не думай, что ты мой сынЪ: ты покусившись отнять мою славу и жизнь, сдѣлался несноснымЪ моимЪ врагомЪ. Думаешь ли ты, что я тебя пощажу? НѣтЪ; я больше нежели ЗалевкЪ. Какой бы я былЪ Государь, ежелибы вЪ царствѣ моемЪ оставлялЪ безЪ мщенія злодѣйства; ежелибы сильный утѣснялЪ немощнаго, богатый нищаго; ежелибы все царство мое управлялось насиліемЪ? НѣтЪ! нѣтЪ! надЪ тобою-то я и покажу правосудіе мое; весь гнѣвЪ мой

на тебя излію! Между тѣмъ Ураній то падалъ на землю, то воставалъ; обливался слезами; билъ себя въ перси; а въ душѣ чадолюбиваго отца сражалась истинна съ милосердіемъ; но, какъ на вѣсахъ, ни одно другова превысить не могло. Но что мнѣ дѣлать съ нещастіемъ твоимъ, говорилъ отецъ, слѣпота очей есть самая тяжкая болѣзнь, иди ищи врача; а я изобрѣту средство, какъ его къ тебѣ послать: а дабы знали подданные мои, что я правосудіе люблю, то пусть казнятся тобою; изыди отсель! ты недостоинъ ни сего жилища, ни моего съ тобою обращенія.

Послѣ того отецъ съ крайнею оставилъ его жалостію; а Ураній изведенъ былъ изъ дому своего въ гнусное жилище, гдѣ онъ долженъ былъ бѣдствовать съ подобными себѣ.

Нѣгдѣ въ Самаріи была долина, на которой приносили скверному Молоху въ жертву младенцевъ, которыхъ его сдѣланная страшная статуя прижимая къ груди звѣрско умерщвляла; а дабы не слышать вопля, то между тѣмъ дѣлали трубный звукъ и били въ бубны. Сей ужасный жертвы родъ у всѣхъ наконецъ народовъ почитался чудовищемъ, и мѣсто всѣми названо было адомъ. Жилище, въ которомъ опредѣленъ жить Ураній, весьма подобно

было

было сей плачевной долинѣ. Гдѣ онъ ни ходилъ, что ни слышалъ, вездѣ находилъ мятежъ, насиліе, вопль, то неумѣренный плачь, то пустую радость, то жалобы родителей на дѣтей, то на невѣрность супружества, то несносное утѣсненіе рабовъ отъ своихъ господъ, то угнѣтеніе праведниковъ отъ нечестивыхъ, то животныхъ стенанія, то стонающихъ больныхъ, то въ болѣзняхъ или насильственно или нечаянно умирающихъ, то безъуспѣшно помощи требующихъ, то отчаявающихся, то на Бога вопіющихъ, то къ нему прибѣгающихъ и паки отторгающихся, то проклинающихъ рожденія своего день, то хвалящихся въ порокахъ, то кумиры літющихъ, то свѣтиламъ, водамъ, животнымъ, бездушнымъ и гадамъ покланяющихся, клеветниковъ, неблагодарныхъ, невѣрныхъ, горделивцевъ, презрителей, досадителей, безбожниковъ, суевѣровъ, хищниковъ, убійцъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ, и какъ бы въ огненной рѣкѣ мятущихся беззаконниковъ. Боже мой! говорилъ Ураній, какой я горестнѣйшей у́части подпалъ! Здѣсь ли я могу найти моего врача, когда всѣ язвительнѣйшими болѣзнями заражены, которые тѣмъ паче нещастливы, что нижѐ болѣзни познать хотятъ, нижѐ о исцѣленіи мыслятъ.

Сіе смущеніе было его души; а тѣло его, дотолѣ безбѣдственное, почувствовало

 воз-

воздушныя перемѣны; среди дня томился онъ солнечнымъ варомъ; при восхожденіи и захожденіи солнца истаявалъ онъ хладомъ, и потому скрывался въ пещеры, ежели тогда ощупью ихъ находить могъ, укрываясь корою или листвіемъ. Пища его самая бѣдная была; иногда онъ питался быліемъ травнымъ; иногда находилъ горькіе корни, или самые непріятные плоды; а жаждою весьма часто былъ томимъ, потому, что не всегда могъ до источника дойти; да и выходить боялся, спасаясь, дабы или звѣри не растерзали, или не заѣли собаки, или бы не ввалиться въ ровъ, или не утонуть, и безвременною не погибнуть смертію.

Когда онъ на зорѣ хотя не далеко отступалъ отъ своея пещеры, то мухи или комары, нападая толпами, паки принуждали возвратиться туда. Увы! говорилъ онъ во слезахъ, вся тварь на меня востаетъ, и вся тварь совоздыхаетъ мнѣ. О любезный родитель! теперь то мнѣ живо представляются благодѣянія твои; узнаю теперь, какихъ-то лишился я благъ! но ахъ! поздо узнаю. Я неблагодарный презрѣлъ совѣты твои! О коль тяжкое преступленіе мое! нарушилъ я любовь, нарушилъ вѣрность, употребилъ во зло всѣ твои благодѣянія, что ты меня родилъ, воспиталъ, что всѣми снабдилъ благими; все это я пре-

презрѣлъ и забылъ; самъ себя убилъ; погубилъ самъ мое богатство, похитилъ; словомъ, всѣ преступленія въ моемъ беззаконіи заключилъ; да еще и признаться предъ тобою не хотѣлъ. О отче мой! не забудь меня стенящаго во мрачной пещерѣ моей; не забудь меня странствующаго на отдаленной отъ тебя странѣ; не забудь меня въ семъ беззаконниковъ мятежѣ, непрестанно на славу твою клевещущихъ! Умоляю тебя тою жизнію, которую ты мнѣ даровалъ; тою любовію, которую не могутъ изъ сердецъ своихъ искоренять родители къ дѣтямъ. Умоляю твоимъ милосердіемъ, которое предѣловъ не знаетъ. Воспомяни твои обѣты! посли обѣщаннаго тобою врача! посли сего вожделѣннаго врача!

А ты, о злобный Какофитъ! утѣшайся нещастіемъ моимъ: но свободилъ ли ты себя отъ тяжкихъ твоихъ узъ? Желалъ ты напиться моей крови: но угасилъ ли злостныя души твоея жажду? Не терпѣлъ ты меня видѣть въ щастіи; но облегчилъ ли твое хотя мало злоключеніе? Не думай, злодѣй! праведный гнѣвъ отца моего отмститъ тебѣ.

При сихъ смущеніяхъ чувствовалъ Ураній крайнюю въ душѣ своей перемѣну; и то вдругъ воспалялся гнѣвомъ; то призна-

валъ свою вину; то желалъ мщенія; то хотѣлъ быть великодушенъ; то чувствовалъ ко всему ненависть; то преклонялся къ любви: и какъ отъ сильныхъ вѣтровъ колеблются древа, или кипитъ море; такъ необычайное движеніе крови возбуждало въ немъ страсти, которыхъ онъ дошолѣ, будучи умѣренъ, не зналъ. Да и не удивительно сіе въ немъ было; ибо страсти наши тогда начинаютъ свою имѣть силу, когда чувства не покаряются разуму.

Но Ураній, будучи самъ причиною своего нещастія, и произвольно вкусивши ядъ, которой ослѣпилъ его очи, не разумно подвергъ себя всѣмъ тѣмъ паденіямъ, которыя на слѣпыхъ обыкновенно случаться могутъ.

Слава, или честь, какъ говорятъ, ражлаетъ умъ; а нещастіе потемняетъ. Иръ зналъ нѣкоторые секреты натуры, и могъ бы обогатиться, да никто ему ни въ полушкѣ не вѣрилъ, понеже былъ бѣденъ; а Крезъ и конечнаго блаженства жизни человѣческой не зналъ, да былъ богатъ. Овидій будучи въ ссылкѣ не зналъ куда дѣваться съ книгами: премногіе нещастные лишились случаевъ доказать свои дарованія и совершенства. А человѣкъ въ щастіи пользуется совѣтами другихъ, имѣетъ способы знать прошедшее, поль-

зовать-

зоваться настоящимъ, располагаться въ будущемъ. Друзья, достатокъ, здравіе, съ разумными и добродѣтельными обращеніе, науки, и словомъ: честь могутъ ему подавать благовременные и довольные къ умѣренности духа, къ побѣжденію страстей, и къ тому, дабы управлялъ разумъ чувствами, случай. А Ураній пользуясь обращеніемъ и премудрыми наставленіями своего отца, живучи въ довольствѣ и славѣ, всѣхъ смертныхъ въ щастіи превосходилъ; а лишившись очесъ, всѣхъ нещастнѣе былъ; ибо чѣмъ кто съ вышшаго мѣста падаетъ, тѣмъ больнѣе ударяется.

Иногда Ураній, выпалзывая изъ пещеры своей, садился подъ древомъ; и какъ слѣпые обыкновенно имѣютъ хорошій слухъ, то и онъ простиралъ свои уши, дабы успокоить по крайней мѣрѣ тихимъ журчаніемъ водъ, или пріятнымъ повѣваніемъ вѣтровъ смущенную душу: но иногда изъ отдаленности доходилъ до ушей его бѣднаго агнца крикъ, немилосердо терзаемаго волкомъ; иногда хищной ястребъ бѣднаго давилъ воробушка; иногда ревъ, ржаніе, крикъ и визгъ въ стадѣ скотовъ, которые другъ друга рогами, зубами, копытами уязвляютъ; иногда вымeтывающуюся изъ воды молявку отъ большихъ рыбъ пожираемую. Боже мой! говорилъ тогда Ураній, обливаясь слезами, и паки убѣгая

въ

въ свою пещеру; какія нещастія окружаютъ меня отвсюду, и самаго малаго птенца пискъ пронзаетъ какъ стрѣла мое сердце! О коль праведно, отче мой! изгнавъ меня изъ дому твоего, въ которомъ готовилъ мнѣ господство, подвергъ нещастію все то, что уготовано было на службу мою! Я все сіе заслужилъ. О бѣдности и окаянства моего!

Сіи нещастія были общія, къ которымъ Ураній начиналъ мало помалу привыкать. Солнце и луна нѣсколько разъ совершили свой около землѝ въ теченіи округъ, какъ по вся дни слышитъ онъ нѣкоторой мятежъ и какъ бы начинающійся къ бунту заговоръ. Рысканіе и свисты Какофита предвѣщали ему всеобщую какую нибудь бѣду. Въ самомъ дѣлѣ былъ тогда заговоръ, которой начинали осужденные жить съ нимъ въ одномъ жилищѣ противъ жизни отца его. Не столь великое пріуготовленіе было къ Ватрахоміомахіи, которую описывая Гомеръ говоритъ, что мыши дѣлали свое оружіе изъ рѣпы и редьки; а лягушки изъ болотныхъ травъ; сколько сіи осужденники думали вооружиться противъ Ураніева отца, сего столь сильнаго Государя. Иной грозился его съ престола свергнуть, иной желалъ Какофита на Царское достоинство возвести, иной стрѣлою хотѣлъ пронзить, иной жизни лишить.

И хотя отъ таковаго возмущенія многократно совѣтами и угрозами воспящаемы были; но рѣшились, поднялись, востали, взбунтовались съ шумомъ, съ крикомъ, съ воплемъ, бѣжали, грозились, рвались, кричали, толпами думали окружить, напасть, поразить, смерти предать. Государь разгнѣвался, и тутъ же всѣхъ приказалъ въ море побросать: невинныхъ осталось са́мое малое число.

Тогда во ужасѣ сидя, Ураній думалъ: О коль великъ гнѣвъ отца моего! но праведный. Никто бы его истинны не опорочилъ, ежелибы онъ мою̀ и всѣхъ жизнь отнялъ. Долго онъ не смѣлъ изъ пещеры своея выходить; но мало помалу прислушиваяся примѣтилъ, что вездѣ было безмолвіе, и самая оставшихся невинныхъ людей малая часть спокойно пѣли хвалебныя родителю его пѣсни, возгнѣжжая на холмахъ нѣкоторой огонь, котораго тучный дымъ ударялъ по нѣскольку въ его обоняніе, а пламя подавало болящимъ очамъ самый слабый свѣтъ, которой по подобію воздушныхъ явленій, или сквозь мрачный туманъ видимыхъ звѣздъ заимствующихъ отъинуда свѣтъ, тотчасъ изчезалъ, или паки покрывался тьмою. Конечно, думалъ Ураній, вопль мой дошелъ до ушей Отца моего, видно сжалился онъ на бѣдность мою̀, и врачество мнѣ обѣщанное сокрываетъ

ваетЪ вЪ сихЪ куреніяхЪ! О Боже мой! сколь тяжкая моя болѣзнь! сколь скучная жизнь! сколь тяжкое и преступленіе мое! Но вижу что родитель паки отдаетЪ мнѣ свое благословеніе . . .

Сею надеждою успокоевалЪ Ураній смущенную свою душу; но по прошествіи нѣкотораго времени, слышитЪ онЪ паки молву: ибо жилище ихЪ наполнялось паки осужденными, и злыя первыхЪ преступниковЪ сѣмена начали возрастать, подавляя, какЪ терніе пшеницу, невинныхЪ. Что это? ДумалЪ Ураній, не ужѐ ли страшное потопленіе вверженныхЪ вЪ море бунтовщиковЪ не приводитЪ вЪ ужасЪ преступниковЪ. Память сего наказанія у всѣхЪ вЪ свѣжей памяти; и смрадЪ выкинутыхЪ на берегЪ труповЪ, сдѣлалЪ воздухЪ ядотворнымЪ; а землю издающею гнусные и вредные пары, такЪ что вся наша сія окаянная страна не что иное есть, какЪ всеобщая могила, или кладьбище.

Но осужденные не преставали дѣлать затѣи; сидѣть вЪ темницѣ скучно, и отчаяніе привести можетЪ ко всякому злу: ибо первое спасеніе плѣнниковЪ никакого не чаять спасенія, говоритЪ Виргилій. Они находили новый возмущенія родЪ, инаковой, нежели сдѣлали ихЪ предки. Мыслили они раззорить или по крайней мѣрѣ

от-

отнять и заселить замокЪ, вЪ которомЪ жилЪ УраніевЪ отецЪ; а сіе хотѣли они сдѣлать смѣшнымЪ приступомЪ; онЪ подобенЪ былЪ тѣмЪ печуркамЪ, которыя дѣти дѣлаютЪ изЪ песку; ихЪ уму представляются сіи кучки церковками, палатками и проч. но старикЪ мужЪ проходитЪ мимо, нижѐ взирая на нихЪ; а иногда зацепясь, и разрушивЪ, ногою производитЪ вЪ нихЪ плачь: подобно сіи затѣйщики чертили, кружили, рисовали, думали, спорили, располагали, уговаривались, наконецЪ поползли какЪ муравьи; иной тащилЪ камень; иной носилЪ глину; иной жерди волочилЪ; иной воду подавалЪ; иной лѣпилЪ, иной укрѣплялЪ; иной поправлялЪ; иной снова ламалЪ и передѣлывалЪ; еще не докончавЪ взгнѣздились, взмостились, встащились, вскарабкались, протягали ру́ки, хватали шесты, метали стрѣ́лы, кидали камни; но весьма отЪ своей цѣли далеко были: а между тѣмЪ УраніевЪ отецЪ хотя и сЪ гнѣвомЪ на безуміе ихЪ взиралЪ, но изЪ пощады, подобно какЪ вѣтвь, на которой вверьхЪ и внизЪ ползаютЪ мурашки, тряхнулЪ, и мгновенно всѣ пали, разсѣялись, разползлись вЪ страхѣ, вЪ трепетѣ, вЪ изумленіи; другЪ друга толкали, давили, бѣжали по полямЪ, по горамЪ, по долинамЪ, по лѣсамЪ крылись, прятались; всѣ, куды кто и сЪ кѣмЪ могЪ, мгновенно разсыпались. Тогда Ураній сидѣлЪ

дѣлъ во ужасѣ, и слыша, что люди взадъ и впередъ бѣгаютъ, закидалъ свою пещеру хворостомъ, ожидая въ ней, доколѣ утишится мятежъ. Между тѣмъ размышляя о неистовствѣ мятежниковъ, думалъ: о коль родитель мой милосердъ! конечно онъ, милуя сихъ преступниковъ, мыслитъ и о нещастномъ сынѣ своемъ; могъ бы онъ немедленно всю нашу страну истребить. Въ его ли бы толь пространномъ царствѣ могъ послѣдовать чрезъ такое прещеніе уронъ? Могъ бы онъ все жилище наше сжечь и прахъ развѣять. Благотворительнѣе нежели Антонинъ, нежели Титъ Веспасіянъ; благотворительнѣе всѣхъ обладателей свѣта; но я увы! я окаянный! презрѣлъ, пренебрегъ и во зло употребилъ благотворенія сіи!

Боль въ его очахъ умножилась, слѣпота усугубилась, и ядъ часъ отъ часу большую силу имѣлъ; между тѣмъ Ураній, прислушиваясь, ничего слышать не могъ. Но трудно было ему узнать, что всѣ разбѣжались и жилище свое оставили пустымъ. Сказываютъ, что какой-то Бель, котораго Халдеи называютъ Геркулесомъ, а Ассиріане Юпитеромъ, убійца Зороастровъ, а Семирамидинъ мужъ покушался тутъ сдѣлать поселеніе; но все рушилось: а говорятъ, что и теперь тамъ видны развалины, и что населяютъ сію страну одни ядовитыя змѣи.

Тогда

Тогда Ураній началЪ помышлять о себѣ; находилЪ, что и ему болѣе вЪ семЪ пустомЪ мѣстѣ жить не можно. Сколь ни труднымЪ представлялЪ себѣ путь; но не столько ему всякаго роду страшна казалась смерть, сколько желаніе врачевства побуждало всѣ проходить опасности. ДумалЪ онЪ всегда, что лучше умереть, нежели быть слѣпымЪ, и живучи повсечасно вЪ горести умирать! и такЪ рѣшился онЪ какЪ нибудь пробраться во ЕгипетЪ. Тогда слава начинала носиться, что ЕгипетЪ есть столица мудрости, вЪ которой со всего свѣта приходили учиться.

Ἰατρεῖον ψυχῆς, или сокровище душевнаго врачевства извѣстнымЪ учинилось свѣту. Ураній думалЪ, что ежели вЪ Египтѣ могутЪ врачевать души; то не льзя, чтобы не могли уврачевать слѣпоты очей. Не долгіе были его зборы. Слѣпому паче всего потребенЪ посошокЪ, сЪ которымЪ онЪ отправился вЪ свой путь. Питался подаяніемЪ, но весьма часто гладомЪ истаявалЪ. ОтецЪ не оставилЪ его безЪ провожатаго, и хотя казалось, что это выискался какой нибудь ему добродушной спутникЪ: но сіе благодѣяніе было ему послано отЪ чадолюбиваго родителя; и потому сколь ни нещастенЪ былЪ Ураній, но провожатой имѣлЪ повелѣніе отЪ него не отступнымЪ быть. КакофитЪ и



въ нещастіи, каковаго ужѐ больше причинить не можно, хотѣлъ надъ Ураніемъ поиграть за то только, что онъ отверженный сынъ, питающійся нѣкоторою надеждою къ возвращенію своего благополучія; а Какофитъ, рабъ лишенный навсегда милостей своего Господина, развратилъ провожатаго, и вкоренилъ объ Ураніи самыя неистовыя мысли; всѣялъ къ нему презрѣніе, гордость, ненависть; и потому дѣлалъ онъ ему во все время нещастія превеликія пакости. Иногда его одного покидалъ; иногда спалъ, когда надобно было итти; иногда въ опасныя мѣстà заводилъ; иногда издѣвался, отнимая палочку, запутывая нóги, возводя на гору, вталкивая въ грязь, прицѣпливая къ чему нибудь; словомъ, былъ самой невѣрной и худой вожатой; и Ураній уже послѣ узналъ, что имѣлъ онъ участіе въ заговорахъ къ обоимъ мятежамъ.

Достигли они наконецъ до Чермнаго мóря. Оттуда дошли въ Тебы городъ, котораго сто воротъ прославлены Гомеромъ; а послѣ пошли въ средній Египетъ, гдѣ его вожатой съ превеликимъ удовольствіемъ расказывалъ о пирамидахъ, обелискахъ, Лабиринтѣ, Меридовѣ озерѣ, о порогахъ, источникахъ, разлитіи, мѣрѣ Нила рѣки проч. Но сколько тотъ искусству удивлялся въ Египтѣ, столько Ураній думалъ о своемъ

вра-

врачевствѣ; но по нещастію его, врачебная наука не была тамъ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ землемѣріе и архитектура; ибо каждой Докторъ лечилъ только тамъ одинъ родъ болѣзни; а ядъ, которой ослѣпилъ очи Уранія, разливался и по всѣмъ другимъ членамъ тѣла.

Ходили иногда они къ жрецамъ, въ которыхъ, по слуху, вся скрывалась мудрость. Но Ураній хотя и нещастный, но порфирородный, и отъ натуры имѣя великой даръ, внутренно почиталъ ихъ паче безумными, а не мудрецами; ибо поелику одни кланялися крокодилу; другіе трепетали предъ нажравшеюся змѣй птицею Ибисомъ; тамъ златый образъ сіялъ святыя обезьяны; индѣ морскихъ звѣрей, здѣсь рѣчную рыбу, тамъ цѣлые народы пса почитали; сверьхъ того рѣпчатый и мѣлкій лукъ грѣхъ у нихъ рвать и кушать; гдѣ по садамъ родились боги. При такомъ омраченіи ума, думалъ Ураній, не можно найти того душевныхъ лекарствъ сокровища. Весьма скучалъ онъ, что столь далекой и трудной предпріялъ путь; а вожатой не преставалъ ругаться надъ нимъ; подводилъ иногда Уранія къ чучаламъ, лошадей, воловъ, собакъ и проч. которыя въ Египтѣ ставились для устрашенія преступниковъ; и подводя его голову, или руку къ устамъ сихъ мнимыхъ животныхъ,

смѣясь кричалъ: ужо тебя съѣстъ! Сіе наказаніе Пиѳагоръ, научась въ Египтѣ, всему свѣту обнародовалъ.

Ураній часъ отъ часу въ большую ввергался печаль, да и болѣзнь его усугублялась. Не терпѣливно хотѣлось выпти ему изъ Египта, и дойти въ тѣ страны, въ которыхъ слава дѣлъ его Отца весьма громко носилась, и который устроилъ когда-то для преведенія воинства своего чрезъ Чермное море мостъ преудивительнаго искусства, которому нынѣ ниже подражать могутъ.

Перешли они море, и вожатой завелъ его тутъ въ непроходимыя пустыни, въ которыхъ премногія терпѣлъ онъ бѣдствія; иногда помиралъ онъ съ голоду; иногда томился жаждою; иногда угрызали его змѣи, и средства незналъ, какъ и куда выбраться изъ такихъ бѣдственныхъ мѣстъ. Тогда Уранію несносною назалась жизнь, и онъ многократно желалъ умереть.

Между тѣмъ гнѣвный и чадолюбивый Отецъ наблюдалъ слѣды сына своего, боясь, дабы въ горести не нанесъ самъ себѣ насильственно рукъ. И хотя всегда объ немъ крайно сожалѣлъ: но дабы оказать подданнымъ свое правосудіе; не хотѣлъ онъ вскорѣ преступленіе его простить, да и не

могъ

могъ слѣпотствующему наслѣдное царство вручить; хотѣлъ также произвести большее желаніе къ изобрѣтенію врачевства, а чрезъ то бы ему и тяжесть узнать своей вины.

И какъ нѣкогда Ураній приближился къ высокой горѣ; то Отецъ хотѣлъ ему тамъ скрытно явиться. Въ то время сдѣлалась воздушная перемѣна: буря громъ, молнія, трескъ, вѣтръ въ смятеніе привели Ураніевъ духъ; но при тихомъ послѣ зефирѣ слышитъ онъ голосъ подобной родителя своего. Сердце въ немъ затрепетало. Смятенный радостію и страхомъ, съ поспѣшностію восходитъ онъ на сію гору; блещущая молнія пожгла всѣ вредныя частицы; а воздухъ и безъ того на высшихъ мѣстахъ чистѣйшій, освѣтилъ нѣсколько его очи, и онъ, подобно, какъ сквозь завѣсу, узрѣлъ нѣкоторую родителя тѣнь, но на одно токмо мгновеніе ока. Пріими твое врачевство! услышалъ онъ збивчиво. Послѣ того нашелъ онъ свитокъ, котораго писаніе вожатой ему прочелъ. Коротко было написано слѣдующее: для твоего врачевства омывайся чистѣйшею агнца кровію; а дабы получить тебѣ наслѣдство свое, заплати мнѣ сразмѣрно за обиду.

Тогда Ураній въ крайнемъ будучи удивленіи разсуждалъ: чудное и неслыханное

ное врачевство! обмываться кровію невиннаго агнца, и для соблюденія человѣческой жизни лишать жизни животныхъ. Какое для меня непонятное таинство! видно противное уврачевать должно противнымъ, т. е. смертію жизнь. По угрызеніи змѣею ноги, должно, растерзавъ голубя, приложить кровоточащаго къ язвѣ; сіе средство извѣстное: но мудрый и опыты знающій мой Отецъ, можетъ быть сокрываетъ въ агнчей крови секретъ, мнѣ непонятной, дабы я къ познанію самъ доходилъ. Кропились сею кровію Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ и проч. И хотя не были они слѣпотствующими; но видно, что есть въ ней врачевство и отъ другихъ болѣзней. Но моя содрогается душа, воображая жестокость убійства: какъ могу простерти руку мою, и поразить острымъ ножемъ связаннаго, томящагося и умильно на меня взирающаго маленькаго, бѣднаго, а паче невиннаго ягненочка? Ежели я безъ слезъ и жалости не могъ слышать писку въ кохтяхъ ястребя умирающаго воробушка, то какъ приступлю къ сему пролитію крови? Но вотъ познаю намѣреніе Отца моего! онъ хочетъ, чтобы я, закалая сіе животное, данное на службу мою, позналъ тяжесть преступленія моего; позналъ, что я преступникъ его повелѣній, сего закланія, сея смерти; я такой жестокости и мученія достоинъ: о коль праведно Отче

мой!

мой! я всего достоинЪ! но да будетЪ тако! исполню сіе! —— Но могуль сразмѣрную цѣну за обиду поставить? Не вѣчно ли паче лишаться мнѣ наслѣдства своего? Я нищЪ и нагЪ! когда я блаженную провождалЪ жизнь, и тогда богатство мое не сразмѣрно было славѣ родителя моего. Но коль сіе нынѣ не возможно! можетЪ ли человѣкЪ рѣку воды выпить? МожетЪ ли гору на другое мѣсто переставить? Кто можетЪ на небо взойти? НѣтЪ! нѣтЪ! ничѣмЪ за обиду не могу удовлетворить. Но не требуетЪ ли ОтецЪ мой, думалЪ Ураній, сего удовлетворенія, дабы я падЪ предЪ ногами его испросилЪ его помилованія, чего прежде не сдѣлалЪ. НѣтЪ! паки самЪ себѣ возражалЪ; не можно симЪ средствомЪ утолить гнѣвЪ Отца моего; ибо можно ли пролитую воду собрать? Убійца, приносящій покаяніе вЪ душегубствѣ, возвращаетЪ ли отнятую у ближняго жизнь? Жаль было Клита, котораго пьяный АлександЪ убилЪ; но раскаяніе осталось, а жизнь невозвращена.

ТакЪ разсуждая Ураній, сколь ни трудные находилЪ для себя, кЪ возвращенію перваго щастія, способы; однако же былЪ утѣшенЪ; паче всего чувствительно было для него первое средство т. е. пролитіе крови. Вожатой его не оставилЪ и тутЪ безЪ ругательства; наложилЪ претяжкіе на

него оковы, которыхъ онъ, во все время нещастія своего, свергнуть съ себя не могъ.

Потомъ пустились они паки въ путь. Уранію весьма хотѣлось итти въ Палестину, дабы видѣть Соломоновъ славный храмъ, и омываться изобильно тамъ проливаемою животныхъ кровію: но вожатой терпѣть того не могъ; и такъ свелъ Уранія съ истиннаго пути, и повелъ его въ Грецію.

Не столько Индійцы хвалились своими браминами; Египтяне своими жрецами; Еѳіопы Гимнософистами; Либійцы своимъ Атлантомъ, Галлы своими Друидами сколько Греція своими Академиками, Перипатетиками, Стоиками, Сцептиками, Циниками и проч. Слава по всему свѣту пронеслась, что Минерва изъ Египта перешла въ Грецію. Ураній, будучи въ оковахъ, насильно, такъ сказать, влекомъ былъ отъ своего вожатаго, которой въ Греческихъ городахъ ругался надъ нимъ болѣе, нежели гдѣ индѣ.

Пришедъ они въ славный городъ Аѳины, нашли какого-то широкоплечаго философа; около его раскладены были нѣкоторыя поемы, трагедіи, живописныя посредственныя картинки; сидѣлъ онъ на Академической катедрѣ, и когда обучалъ физикѣ, то поминалъ Гераклита; а когда

Ло-

Логикѣ, то упоминалъ о Пиѳагорѣ; во нравоученіяхъ о Сократѣ; и какъ слухъ носится, что будто онъ возвращаясь изъ Египта, читалъ на дорогѣ Моисеевы книги, то потому, можетъ быть, признавалъ онъ единаго Бога; но бредилъ, будто ему помогаютъ демоны и какія то героини. Тертулліанъ (церков. учит.) говоритъ, что изъ его ученія многія въ христіанствѣ родились ереси.

О врачебной наукѣ онъ ничего не упоминалъ, и потому Ураній не охотно его слушалъ.

Потомъ надобно было ему итти чрезъ Стагиринтъ. Городъ сей былъ нѣкогда раззоренъ; но В. Александръ, изъ благодарности къ своему учителю, которой въ немъ родился, возставилъ и возобновилъ. Желательно было слышать Уранію что-нибудь отъ такого учителя; а вожатой удивясь говорилъ, что этотъ самой низенькой и непригожей философъ сидѣлъ подлѣ той катедры, гдѣ они были, и учился. Правда, что онъ ученіе яснѣе своего учителя предлагалъ, но и говорилъ много того, о чемъ его учитель не утверждалъ. Онъ на пр. сказывалъ, что міръ сей вѣченъ; что въ свѣтѣ все бываетъ случайно и проч. О врачевствѣ также ничего не упоминалъ; потому Ураній больше ни слушать ни медлить не хотѣлъ.

Потомъ пришли они въ Кипръ; на пристани расхаживалъ взадъ и впередъ мудрецъ, котораго видъ, голосъ и осанка показывали неустрашимость; подлѣ него ходили Клеантъ, Хризиппъ и премногіе другіе. Сказываютъ, что слышалъ онъ Оракула изреченіе, дабы обращаться съ мертвыми людьми т. е. книгами. На тотъ самый случай, когда Ураній тутъ стоялъ, спросилъ одинъ изъ его учениковъ: что есть другъ? Отвѣчалъ: я другой. Научалъ онъ, что Богъ есть душа міра; что человѣкъ и въ Фаларидовомъ быкѣ есть блаженъ; признавалъ въ свѣтѣ случай; ругалъ страсти; а о врачевствѣ также ничего не упоминалъ, и потому Ураній болѣе ничего не слушалъ; хотѣлъ было итти въ другія города; но зашелъ паки въ Аѳины.

Тутъ нашли они уже новаго учителя, которой въ то время краснорѣчіе ругалъ за то, что оно состоитъ въ пустотѣ и надутливости словъ. Упоминалъ онъ также о какихъ-то атомахъ, или единицахъ; будто они летая, какъ пылинка, случаемъ какимъ-то составили міръ. Дозволялъ вдаваться во всякой родъ сластолюбія, и хотя нѣкоторые защищаютъ его въ семъ, а обвиняютъ Ариспиппа одного; но Ураній самъ слышалъ, какъ онъ научалъ, что души человѣческія пропадаютъ съ тѣлами

своими; и будто бы Богъ ни малѣйшаго попеченія о мірѣ не имѣетъ. —— О врачевствѣ онъ ниже словомъ упомянулъ, отъ чего Ураній часъ отъ часу въ бо́льшую погружался печаль.

Видѣли они тутже еще какого-то учителя, которой, сказываютъ, сперва былъ живописцемъ, а послѣ учился у волхвовъ. Онъ весьма мало говорилъ; а въ превеликой задумчивости уходилъ въ уединенныя мѣста̀, и на смерть не любилъ, когда кто его о чемъ спрашивалъ, или поговорить съ нимъ хотѣлъ. Ученикамъ своимъ иногда на вопросъ отвѣчалъ, что онъ да и никто ничего незнаетъ, и полно есть ли онъ въ свѣтѣ, и о томъ сомнѣвается. Сколь ни былъ Ураній огорченъ, однако усмѣхнулся, и прочь пошелъ.

Напослѣдокъ попались имъ еще двое мудрецовъ гораздо удивительнѣе, нежели всѣ прочіе. Учитель самъ ходилъ когда-то учиться къ Сократу изъ Пиреи каждой день по 40 верстъ: а ученикъ его и того былъ удивительнѣе. Вожатой расказывалъ Уранію, какъ онъ одѣтъ въ епанчу, которая виситъ на одномъ плечѣ, въ рукахъ дубина, за поясомъ ковшъ, которымъ воду черпалъ, а послѣ бросилъ; волосы не причесаны, не умытъ, безпеченъ; живетъ въ бочкѣ, которую на ту обращаетъ сторону,

рону, куда свѣтитъ солнце. Весьма много смѣшнова видно было въ немъ. Любилъ онъ одну Моральную философію, а прочіе всѣ науки ругалъ. Сказываютъ, что при смерти спрашивали его друзья; гдѣ и какъ его похоронить? Бросьте меня, отвѣчалъ, на снѣденіе птицамъ; только положите возлѣ меня палку, чѣмъ бы можно было отбиться.

Попадались имъ и еще премного по всей Греціи такихъ мудрецовъ, но они всѣ были сихъ вышеупомянутыхъ послѣдователи, и какъ ихъ учители, такъ и они не только между собою не были согласны; но презирали, смѣялись, другъ друга ругали и порочили; и какъ раки въ кулькѣ вмѣстѣ сидятъ, а выпущенные ползли на разныя стороны.

Ураній крайне сожалѣлъ, что предпринималъ путь свой въ Грецію, столько же тщетно, какъ и въ Египетъ. Думалъ было онъ найти Гиппократа Ескулапіева сына, и отъ него получить какое нибудь исцѣленіе очамъ; но онъ тогда жилъ, какъ нѣкоторые думаютъ, у Пердикки Македонскаго Царя. Впрочемъ у нихъ и недозволялось учиться свободно медицинѣ. И Агнодицея, дѣвица прерядившаяся въ мужеское платье, и обучившаяся скрытно повивальному искусству, дабы дѣлать помощь

мощь безвременно премногимъ умирающимъ родительницамъ, побудила Ареопагъ къ изданію закона, въ которомъ позволялось учиться благороднымъ врачевству; но и то ограниченно.

Самъ вожатой скучился болѣе по Греціи бродить, а Уранію нетерпѣливо хотѣлось изъ Греціи изыти, и итти въ обѣтованную землю, въ коей, помня данное ему на горѣ предписаніе, утѣшался онъ надеждою получить облегченіе омытіемъ крови своихъ очей.

И такъ вышли они оттоль, и продолжали путь свой весьма тихо; ибо Ураній съ печали, оковами и болѣзнію угнѣтаемый, едва могъ ноги волочить. Усильно и со слезами просилъ онъ вожатаго, дабы, сжалившись надъ его бѣднымъ состояніемъ, не заводилъ болѣе никуда, а шелъ бы прямо во Іерусалимъ. Вожатой не только на слезы его преклониться не хотѣлъ; но пылая къ нему ненавистію, а своимъ любопытствомъ нетерпѣливо желалъ видѣть Римъ.

Ураній никакъ не могъ поспѣшно итти, и потому путь ихъ былъ долговременной; а между тѣмъ Римляне соорудили великолѣпный Минервѣ храмъ. Муммієвъ указъ повелѣвалъ перевозить всѣ

Гре-

Греческія изъ Коринѳа, Аѳинъ и проч. рѣдкости въ Римъ; и ежели кто на дорогѣ утрачивалъ, или повреждалъ какую дорогую вещь, то на мѣсто ихъ вдвое повиненъ былъ платить. Солоновы законы перенесены и на двенатцати таблицахъ обнародованы. Науки часъ отъ часу умножались, возрастали и въ цвѣтущее состояніе приходить начинали. Музы основали тамъ свое жилище, и любители наукъ Римъ сдѣлали своею столицею.

Наконецъ притлелись они въ Римъ: Ураній едва ноги волочилъ. Вожатой расказывалъ, сколь великолѣпные въ немъ храмы, какія зданія, каналы, сады, мосты, статуи, обелиски, библіотеки, театры, теплицы и проч. Но Ураній ничего объ этомъ слышать не хотѣлъ, да и самъ вожатой удивлялся, что сіи великолѣпныя зданія не только хуже Египетскихъ были, но ничѣмъ не отличны, и почти тѣже самыя, которыя въ Грецiи были. Мудрствованій въ Римѣ отъ Греческаго различныхъ они не слыхали; но все тожъ тамъ говорили, и томужъ научали съ нѣкоторымъ весьма немногимъ прибавленіемъ. И хотя называли они себя добродѣтельными и мужественными Стоиками, но были болѣе послѣдователи Епикуровы. Думалъ было Ураній, что почитаніе сея секты до нуждѣ привело можетъ быть у Римлянъ

въ

въ совершенство врачебную науку: ибо гдѣ разпутная жизнь, тутъ и болѣзни; а гдѣ больше болѣзней, тутъ больше и врачей. А больныхъ лечили они слѣдующимъ образомъ. Выносили недужныхъ и полагали при публичныхъ дорогахъ; проходящіе сказывали иногда ко уврачеванію способъ, ежели сами въ такихъ же когда нибудь болѣзняхъ были. По выздоровленіи написывали этотъ самой способъ, и приносили къ жрецамъ, или прибивали у храма на дверяхъ. Сказываютъ, будто Гиппократъ, собирая сіи записочки, вписывалъ въ книгу, и тѣмъ положилъ начало врачебной наукѣ; а что Піиты говорятъ, будто бы врачевства изобрѣтатель Аполлонъ, то разумѣютъ они, чрезъ это, свойство солнечной теплоты, оживляющей растѣнія. Но какъ сей способъ полагать на улицахъ больнаго показался самимъ Римлянамъ скученъ и невыгоденъ: то учились у нихъ врачевству одни рабы, и знали только одинъ родъ болѣзни; потому и Ураніева надежда ко уврачеванію себя совершенно тщетною осталась. Слухъ носился, будто изъ Пергама (Азіат. гор.) пріѣхалъ въ Римъ Галенъ, что и правда; но убоясь моровой язвы паки оттуда бѣжалъ; оставилъ только 200 книгъ, которыя послѣ его въ пожаръ въ затворенномъ Януса храмѣ сгорѣли.

Тогда Ураній думалъ: доколѣ я не увижу предѣловъ горести моея! будучи отвсюду нещастіемъ окруженъ, вѣчно лишаюсь надежды зрѣть мое исцѣленіе, зрѣть лице благотворительнѣйшаго родителя моего. Отчаянно долженъ бы я умереть; естьлибы не удерживали отъ того обнадеживанія моего праведнаго Отца, которой никогда меня обмануть не хочетъ. О любезный родитель! сжалься надъ бѣдностію сына твоего: сжалься и отврати сіи злоключенія, которыя претѣрпѣваю я, отшедъ отъ тебя на далекую страну!

Послѣ того рѣшились они прямо итти во Іудею, и вожатой не спорилъ: но Ураніевъ вѣкъ ужè преклонялся къ старости. И когда наконецъ пришелъ въ крайнее разслабленіе и немощь: то утѣшался онъ иногда во снѣ, а иногда и на яву [ибо на то мгновеніе о́ка отверзался слабый очамъ свѣтъ], явленіями. Иногда представлялись ему жатва и серпъ; иногда горящій угль, иногда свѣтоносный Ангелъ, иногда чудная лѣствица, проведенная къ дому его отца; иногда новый Іерусалимъ. Однажды видѣлъ онъ преудивительное коло свѣтлое, огненное, блистательное, представляющее въ срединѣ человѣка, а по четыремъ странамъ четырехъ животныхъ съ крыльями, и само собою движущееся, четыре лицà, человѣческое, львиное, тельчее

чее и орлее, и четыре крыла обращались, не смѣшиваясь съ своимъ кругомъ; въ срединѣ ихъ былъ какой то блистательной свѣтъ, подобный видѣнію свѣщь сообращающихся посредѣ животныхъ, отъ которыхъ блистала какъ будто нѣкоторая молнія; и когда двигались, или шли сіи животныя, тогда двигались и колеса, и все сіе двигалось духомъ: изъ средины слышанъ былъ великій шумъ, а свѣтъ подобенъ былъ радугѣ. Самъ Ураній не понималъ, что это видѣніе посовоображенію ли одному только представилось ему, или тѣлесно, и потому незналъ какъ истолковать. Думалъ онъ, что эта Гіероглифическая колесница, или означаетъ ту торжественную побѣду, которую нѣкогда Отецъ его одержалъ надъ Египтянами; или праведный наступающій его судъ; или больше его поспѣшность, предусмотрительность въ дѣлахъ и неукоснительную требующимъ помощь, и потому толковалъ онъ себѣ это въ хорошую сторону. Страшнымъ казалось сіе явленіе, и Раввины строжайше запретили, дабы никто не дерзалъ оное толковать.

Послѣднее явленіе паче всѣхъ устрашило его; но пріятную однако же возродило въ немъ надежду. Видѣлъ онъ какого то свѣтоноснаго мужа, которой возбуждалъ изъ гробовъ тѣхъ мертвыхъ, коихъ имена вписаны

саны были въ книги, среди ихъ суда лежащія. Другой мужъ, облеченной во льняную одежду, стоялъ на водѣ, и поднявъ руки свои къ небу клялся, что во время и во времена, и въ полъ времена по скончаніи будетъ разсѣяніе людей; а до исполненія сего запечатана была книга. Ураній толковалъ, что въ сіе назначенное время послѣдуетъ конецъ бѣдствіямъ его, и что милосердый и правосудный Отецъ его посылаетъ ему обѣщаннаго врача; что скоро онъ узритъ свѣтъ, и паки будетъ имѣть право быть наслѣдникомъ обладанія своего; въ чемъ онъ и не обманулся.

Питаясь сладкимъ упованіемъ, продолжалъ Ураній весьма тихо путь свой, болѣзни, оковы, нещастія, старость, дряхлость привели его въ крайнее изнеможеніе; но какъ нѣтъ ни одного нещастнаго, которой бы не питалъ себя какою нибудь надеждою; то и Ураній облегчалъ нѣсколько оною злоключенія и горести свои. Хищныя птицы съѣдаютъ иногда пріятнѣйшіе чрезъ все лѣто брегомые плоды предъ тѣмъ, какъ только было сорвать надобно; шестилѣтняго сына, несказанную для родителей утѣху, похищаетъ иногда смерть; морскія иногда волны разбиваютъ корабли у самаго пристанища; приходящій къ самому окончанію домъ истребляетъ иногда пожаръ: подобное нещастіе постигло Уранія.

ВЪ самой Самаріи подходилЪ онЪ ко Іерихону, городЪ хотя и изобильной плодами, но давно пагубный ворами вредными. Адоминъ было мѣсто на срединѣ пути, на которомЪ попался бѣдный Ураній безчеловѣчнымЪ разбойникамЪ вЪ руки. Вожатой бѣжалЪ и скрылся. СорвавЪ сЪ него напередЪ платье, били они его, мучили, рѣзали, терзали, и еле жива сущаго оставили на пути, гдѣ, понеже ни помощи ни врача не было, то единственно оставалось умирать. Сіе безчеловѣчное разбойниковЪ дѣло показываетЪ, какЪ-то изсякла между людьми любовь! пути и странствованія суть Божія установленія, которой хотѣлЪ, дабы люди симЪ средствомЪ соблюдали взаимное другЪ другу вспоможеніе, торги и дружество; но лжецы и обманщики, ищущіе своея корысти, и желающіе ближнему зла, суть разбойники. Ураній стеналЪ, и сЪ минуты на минуту ожидалЪ своея смерти. По случаю шли мимо его ЛевитЪ, потомЪ священникЪ. Уранію надобно было чаять отЪ нихЪ помощи; ибо ежели священники научаютЪ закону Божію, и вкореняютЪ кЪ Богу и ближнему любовь, то конечно бы можно сжалиться надЪ его состояніемЪ. Правда, что со ужасомЪ они взглянули на его раны; но не прерывая продолжали путь свой.

 Ужѐ

Уже было началъ Ураній закрывать зѣницы свои; истончевались уже силы его; кровь повсюду ручьями текла; не въ силахъ будучи двигаться, только было испустить духъ свой, и душа его почти разлучалась съ тѣломъ; какъ въ то самое время шелъ нѣкто Самарянинъ. Сердце сего Самарянина содрогнулось отъ жалости, взирая на безчеловѣчное мученіе. Отцы не имѣютъ такого человѣколюбія къ дѣтямъ, сколько сей Самарянинъ оказалъ своей надъ Ураніемъ любви. Остановясь на пути, сошелъ съ своего коня, поднялъ его съ бережливостію, и обязавъ его раны привезъ въ гостинницу. Слѣпотствующій Ураній начиналъ возвращать душу, но не могъ видѣть, кто это былъ премилосердый благотворитель его.

Но сей-то былъ оный вожделѣнный врачь, котораго Отецъ послать обѣщалъ ему при самомъ преступленіи его. Сколь великое нещастіе было Уранія, столь великъ и сей врачь! Лежащаго на одрѣ Уранія окропилъ онъ живою водою: тогда-то начали у него отверзаться очи. Боже мой! какую почувствовалъ въ сердцѣ своемъ радость! не столь радовался Іаиръ по воскресеніи дщери своея, какое веселіе ощущалъ Ураній въ душѣ своей. Тогда онъ любезными очами воззрѣлъ на врача своего. Ахъ! что я вижу! говорилъ, сей есть самой

отецъ

отецъ мой, сей есть са́мой я. Ничего подобнѣе въ свѣтѣ найти не возможно; онъ мнѣ жизнь даровалъ, онъ меня и отъ смерти избавилъ. Благотворительный врачь не преставалъ омывать живоносною водою его раны. И сколь тяжкія были сіи раны, сколь удивителенъ врачь, столь и самая его живоносная вода.

Сіе необыкновенное врачевство слѣдующимъ образомъ сдѣлано было: Какофитъ зная, что сей Филантропъ равный по всему Ураніеву Отцу (такъ имя было врачу), надѣвъ на себя другой видъ, желалъ избавить Уранія отъ нещастія, хотѣлъ по злости своей найти къ тому всѣ препятствія, и такъ научилъ людей подобныхъ себѣ, дабы Филантропа умертвить. Напа́ли на него, мучили, били, терніемъ и копіемъ кололи, но онъ сокрывшись въ нѣдрахъ земныхъ 39 часовъ не только не умеръ, но изъ са́мой крови своей сдѣлалъ Уранію врачевство. Сіе дѣйствіе сходно было съ Іосифовою злою у́частію, изъ которой Богъ содѣлалъ добро. И такъ естьли онъ мѣшалъ свою̀ кровь съ водою, то служила она Уранію очищеніемъ; естьли съ мvромъ, то укрѣпляла она его силы; естьли съ его слезами, то очищала Ураніевы струны. Сіе чудное врачевство подобно птицѣ неясытѣ, коея дѣтей смертельно ненавидитъ змѣй,

и ежели не можетъ на гнѣздо ея всползти, то взлѣзаетъ на близь стоящее древо, и по вѣтру пуская ядъ свой умерщвляетъ птенцовъ, которыхъ неясыть нашедъ умершихъ, распростираетъ надъ ними крылѣ, и біяя въ перси носомъ, источаетъ свою кровь, и тѣмъ оживляетъ. Говорятъ, что Персы для поклоненія и истребованія помощи отъ своего Митрама (солнца) должны были просидѣть нѣсколько дней въ подземельной пещерѣ, претерпѣть зной, холодъ, побои проч. Но то былъ обманъ; а Филантропъ для помощи Ураніевой справедливо все это претерпѣлъ.

И такъ Ураній омываясь сею водою всталъ и принялъ новыя силы и новую почувствовалъ въ душѣ перемѣну. Филантропъ оставилъ его въ гостинницѣ, велѣлъ прилагать объ немъ всевозможное попеченіе; а для бо́льшаго вспоможенія оставилъ и сребренники гостиннику. Тогда узналъ Ураній, что сіи-то самые сребренники шли изъ рукъ его Отца, что ими должно платить за нанесенную обиду своему родителю, и что агнчая кровь предзнаменовала Филантропа.

По совершенномъ исцѣленіи недлячего было Уранію медлить въ чужихъ странахъ; ибо весьма сильно Филантропомъ былъ онъ увѣренъ о полученіи перваго наслѣд-

слѣдства своего, которой для путеводства послалъ къ нему нѣсколько своихъ рабовъ; пришелъ тогда и вожатой, но онъ ужѐ ему былъ не надобенъ.

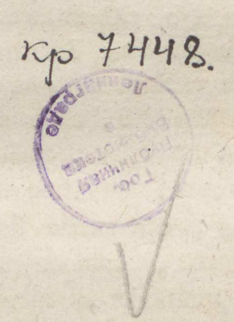
Не столь поспѣшно бѣжитъ елень на водные источники; не столь радостно исходитъ изъ темницы осужденной; не такъ птичка рвется изъ клѣтки своей: сколь не терпѣливо желалъ Ураній узрѣть отеческой домъ, а паче его вожделѣнное лице, его любезныя объятія.

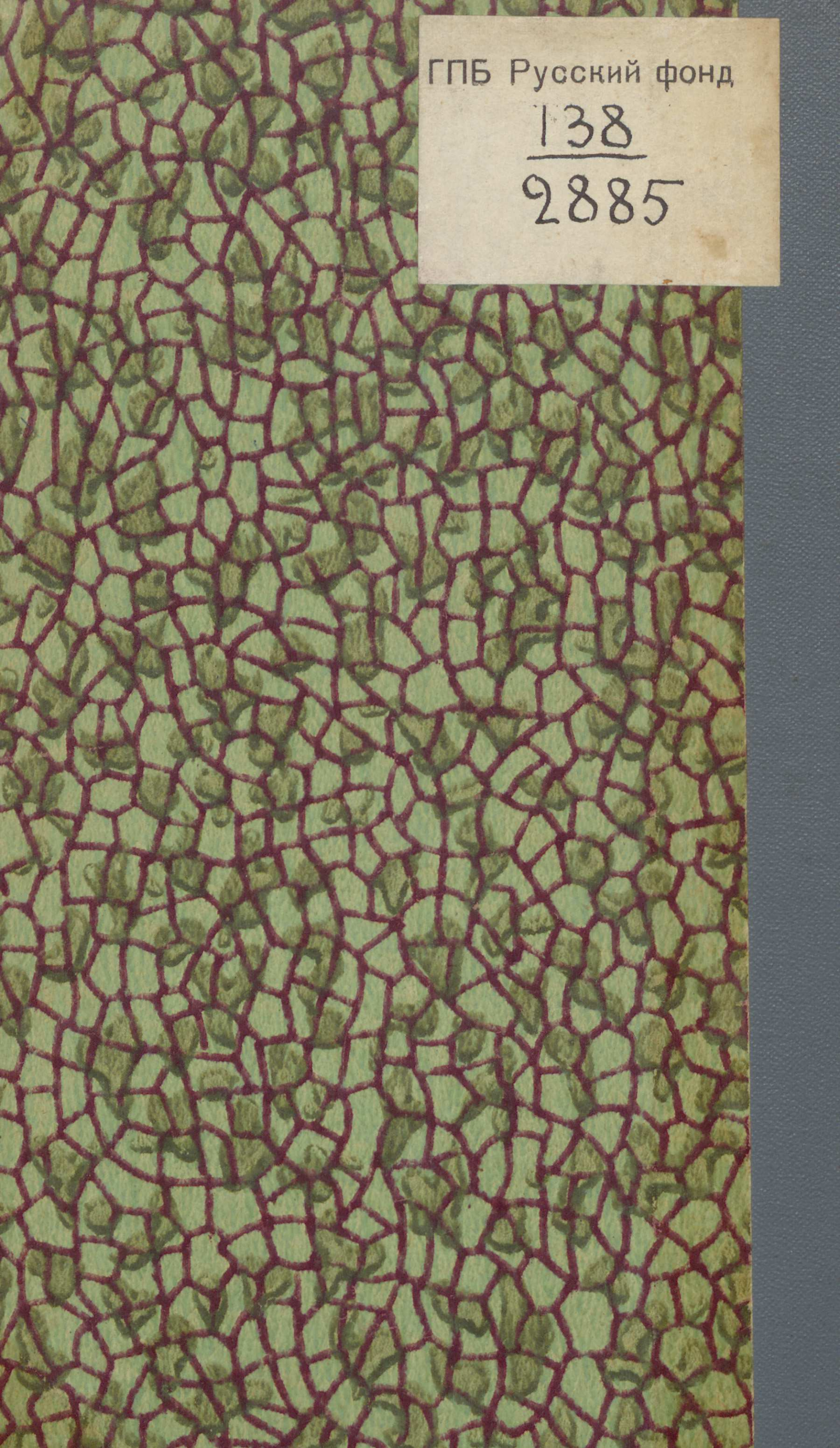
Отецъ видѣлъ ужѐ приближающагося сына, и чертоги изготовленные ему украсилъ паче перваго. Украшеніе сіе видѣлъ С. Іоаннъ. Онъ говорилъ, что былъ то градъ, котораго свѣтило подобно камени драгому, яко камени Іаспису кристаловидну, котораго стѣна весьма великая, имѣла дванадесять воротъ, отъ востока, сѣвера, юга и запада по трое; стѣна сдѣлана изъ ясписа и золота, которое подобно чистѣйшему стеклу; основаніе было изъ сапфира, халкидона, смарагда, сардоникса, хризолиѳа, топазія, аметиста и проч. Каждые врата сдѣланы изъ одного бисера и проч. Ураній съ восхищеніемъ подходилъ къ сему граду, и хотя смущало его прежнее преступленіе, но весьма надѣялся онъ на увѣреніе Филантропа. Едва только приближился ко вратамъ; то Отецъ

съ

съ поспѣшностію исходилъ на встрѣтеніе: напалъ на выю его и облобызалъ. Облекися, сынъ мой! говорилъ онъ ему, въ сію твою прекрасную первую одежду; возьми сей перстень! иди возлюбленный мой! иди въ домъ твой! позабудь горести твои! покойся въ сихъ преукрашенныхъ чертогахъ твоихъ! обладай всѣмъ моимъ имѣніемъ. Будь обрадованъ, будь утѣшенъ, будь ободренъ, буди на вѣки благополученъ.






ГПБ Русский фонд
138
2885